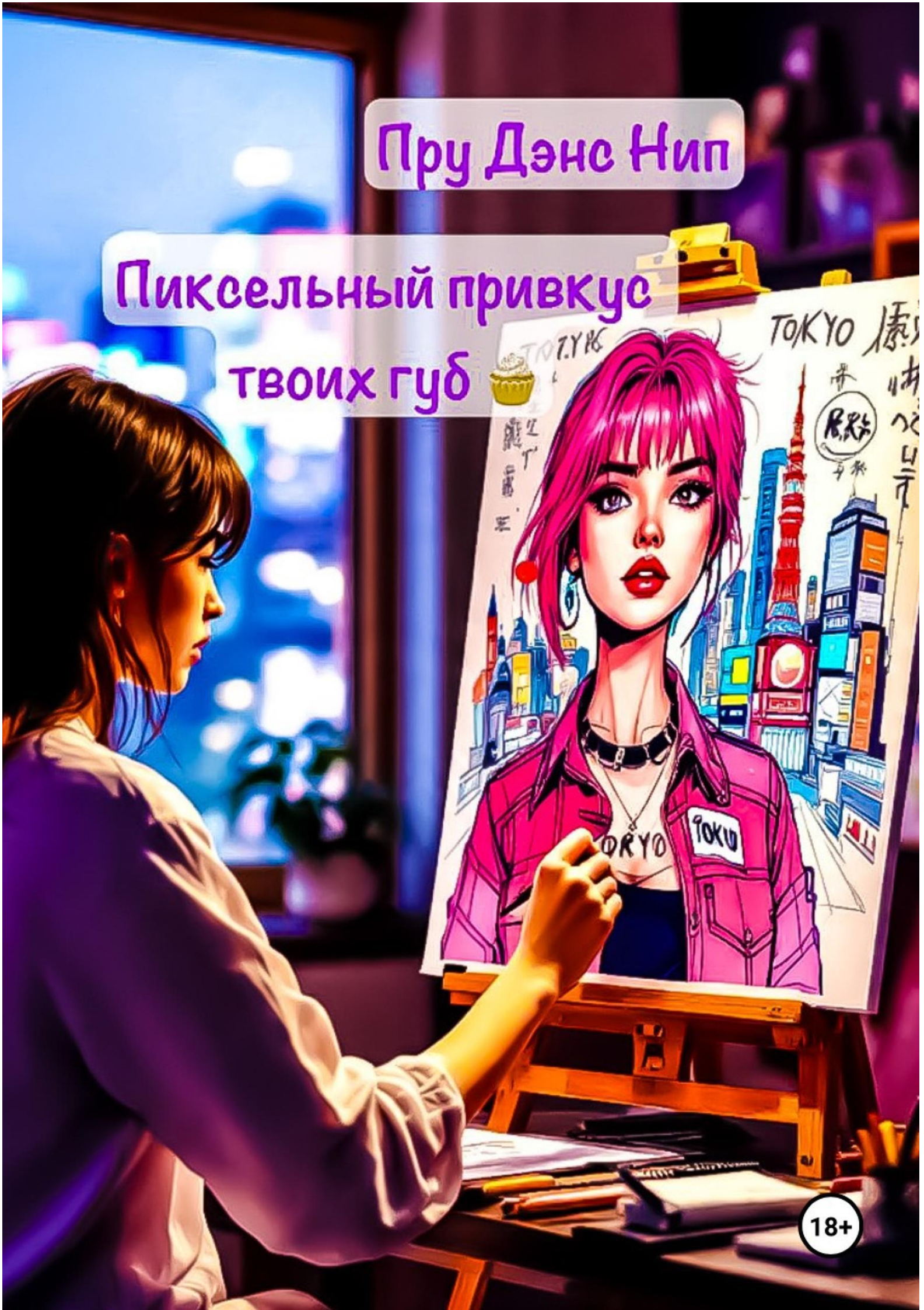
Пру Дэнс Нип
Пиксельный привкус твоих губ
TOKYO
18+

Пру Дэнс Нип

Пиксельный привкус твоих губ

«Автор»
2026

Нип П.

Пиксельный привкус твоих губ / П. Нип — «Автор», 2026

Токио, 2042 год. Днем Юмма Микко — безупречная «ледяная леди», ведущий аналитик мега-корпорации «Cyber-Nexus», чья жизнь подчинена сухим графикам и строгим правилам. Но с наступлением полуночи она надевает неоновую маску кицунэ и превращается в Кон-Кон-Тян — дерзкую королеву подпольных кибер-рейвов.Её стерильный мир рушится в ту ночь, когда в закрытый чат прорывается дерзкий аналоговый хакер по кличке Нойз. Он предлагает опасную игру вслепую: никакой реальности, никаких имен, только музыка и ночные откровения. Главное правило — если один из них раскроет личность другого в жизни, связь оборвется навсегда.Но Юмма еще не знает, что её таинственный ночной собеседник — это Марк Мёрзер, новый невыносимый инженер из её офиса, с которым они днем ведут настоящую войну. И когда ставки взлетят до предела, а за их тайной начнет охоту безжалостная служба безопасности корпорации, им придется сбросить маски, чтобы спасти не только город, но и право на свой первый настоящий поцелуй.

© Нип П., 2026
© Автор, 2026

Пру Дэнс Нип
Пиксельный привкус твоих губ

Глава 1. Две стороны неонового стекла

Токио образца 2042 года напоминал гигантский, никогда не засыпающий аквариум, до краёв залитый ядовито-розовым и кислотно-голубым сиянием. С высоты сорок второго этажа жилого сотового кластера «Сибуя-Прайм» казалось, что внизу не улицы с живыми людьми, а сложная материнская плата, по дорожкам которой непрерывно бегут раскалённые искры аэротакси и грузовых дронов.

Юмма стояла у панорамного окна своей квартиры-капсулы, скрестив руки на груди. Стекло было старым, ещё дореформенного образца, с едва заметной паутинкой трещины в правом нижнем углу — наследие прошлогоднего тайфуна или чьей-то шальной пули из-под моста. Сквозь эту микроскопическую щель внутрь с тихим свистом просачивался вечный коктейль ночного мегаполиса: запах мокрого асфальта, озона от высоковольтных линий, жжёного пластика и дешёвой лапши из уличных автоматов сотого уровня.

Снаружи, в удушливой, подсвеченной прожекторами полутьме смога, разворачивался привычный гладиаторский бой рекламных огней. Огромная трёхмерная голограмма цифровой гейши ростом с двадцатиэтажный дом медленно выплывала из тумана. Она томно подмигивала пролетающим мимо флаерам, рассыпая вокруг себя миллионы пиксельных лепестков сакуры. Лепестки проходили сквозь обшивку машин, осыпались на крыши нижних кварталов и таяли, не долетев до грязного бетона трущоб.

Юмма прижалась лбом к холодному, вибрирующему от гула кондиционеров стеклу. Ей было всего двадцать четыре, но по вечерам, глядя на этот бесконечный неоновый карнавал, она иногда чувствовала себя древним кремниевым процессором, который забыли вовремя утилизировать и оставили доживать век в пыльном серверном шкафу.

На ней было безразмерное чёрное худи с выцветшим принтом из старого, ещё двухмерного мультсериала и ультракороткие домашние шорты. Волосы, выкрашенные в ярко-розовый цвет с мятными прядями, были стянуты на затылке двумя небрежными узлами, напоминающими кошачьи уши. Босые ступни зябли на синтетическом покрытии пола, но включать обогрев не хотелось — холод помогал сбросить дневное оцепенение.

Днём Юмма Микко была безупречным, отлаженным до миллиметра призраком корпоративной машины — ведущим дата-аналитиком в департаменте предиктивного прогнозирования мегакорпорации «Cyber-Nexus». Строгие серые костюмы-тройки с чёткой линией плеч, гладко зачёсанный пучок волос, скрывающий цветной пигмент под слоем временного тонера, очки без диоптрий с антибликовым покрытием для солидности и ровный, модулированный голос без единой живой интонации.

Корпорация платила ей шестизначные суммы в кредитах за редкую способность видеть железную логику в хаосе терабайтов чужой жизни. За восемь часов смены в выхолощенном опенспейсе на восьмидесятом этаже «Башни Нексус» Юмма просчитывала пульс многомиллионного города. Она с точностью до десятых долей процента знала, сколько литров синтетического кофе выпьет деловой район Синдзюку в следующий вторник, если пойдёт кислотный дождь. Она предсказывала, сколько подростков из нижних секторов купят новые тактильные нейропатчи после релиза виртуального поп-айдола, и на сколько пунктов упадут акции фармацевтических гигантов, если в сети пустить слух о сбое в прошивке искусственных лёгких.

Люди для дневной Юммы были графиками, тепловыми картами и поведенческими паттернами. Предсказуемыми, скучными и до боли хрупкими.

Но ровно в тот миг, когда город накрывала полночь, а тяжёлая бронированная дверь капсулы защёлкивалась на три магнитных замка, Юмма смывала корпоративный макияж и снимала серую броню. Дневная Юмма Микко засыпала. Просыпалась Кон-Кон-Тян — неуловимая неоновая икона цифрового андеграунда.

— Запуск системы, — негромко произнесла она в пустоту комнаты, отходя от окна.

Умный дом, перепрошитый ею вручную два года назад, послушно откликнулся. Светодиодные ленты под потолком плавно погасили скучный офисный свет, погрузив капсулу в бархатистый ультрафиолет и электрический циан. Смарт-стекло окна автоматически затемнилось, отсекая навязчивую рекламу с улицы и превращая панораму в зеркальную чёрную гладь. На матовых стенах задвигались, переплетаясь, светящиеся фрактальные узоры, реагирующие на тихий фоновый гул вентиляторов.

Юмма подошла к рабочему столу, который занимал треть комнаты и больше напоминал пульт управления боевым звездолётом. Три широких изогнутых монитора без рамок, графический планшет последнего поколения с тактильной отдачей, россыпь кастомных контроллеров с тугими, приятно щёлкающими энкодерами и главный артефакт её ночной жизни — тяжёлая матовая маска кицунэ, лисьей богини.

Она взяла маску в руки. Прохладный углепластик приятно лёг в ладони. На маске не было привычных прорезей для глаз; вместо них всю верхнюю лицевую часть занимал гибкий, изогнутый OLED-экран высочайшего разрешения. Через него транслировались любые эмоции в виде динамических визуальных эффектов: прищуренные неоновые глаза, бегущие строки кода, геометрические вспышки или едкие анимированные смайлы. Внутри прятался вокодер, превращающий её голос в бархатистый, слегка металлический тембр с лёгким эхом. Никто не знал, кто скрывается за этой лисьей мордой — мужчина, женщина, подросток или вообще сбежавший из корпоративной лаборатории искусственный интеллект.

Юмма опустилась в эргономичное кресло, поджала под себя ноги и вывела на центральный экран панель аудиомикшера. До старта оставалось пятьдесят восемь минут. Через час начинался её еженедельный ночной стрим на «Sub-Neon» — закрытой полулегальной платформе в глубоком сегменте сети для тех, кого тошнило от приторной коммерческой попсы, и кто искал чистый, нефильтрованный лоу-фай, брейкбит и тяжёлый кибер-грандж.

На «Sub-Neon» Кон-Кон-Тян была не просто диджеем, сводящим треки. Она была визуальным архитектором. В реальном времени, прямо на глазах у зрителей, она писала генеративный код, создавая живой цифровой арт. Картинка дышала, пульсировала и ломалась, точно отзываясь на каждый удар низких частот, заставляя сердца десятков тысяч анонимных пользователей по всему миру биться в одном гипнотическом ритме.

Она давно привыкла к этому цифровому обожанию. Тысячи всплывающих смайлов-сердец, каскады виртуальных салютов в бегущем чате, щедрые донаты в анонимной криптовалюте, позволяющие ей не зависеть от корпоративной зарплаты. Это была идеальная, безопасная, стерильная любовь. Любовь сквозь надёжное стекло монитора. Любовь, которую всегда можно было поставить на паузу или вовсе выключить одним нажатием сенсорной кнопки питания.

Юмма до холодного пота боялась настоящих чувств в реальном мире. Слишком хорошо она помнила, чем заканчивается доверие, когда снимаешь защиту. В реальности люди врали, совершали непростительные ошибки, делали больно и уходили, оставляя после себя лишь битые сектора в памяти. В её выверенном до байта коде боли не существовало. Там всё подчинялось математической гармонии.

Юмма протянула руку к керамической чашке с давно остывшим матча-латте, собираясь сделать глоток перед настройкой звука, как вдруг один из мониторов коротко пискнул.

Она замерла, не донеся чашку до губ. Звук был странным — не мягкий системный клик её операционной системы, а резкий сухой треск, похожий на щелчок старого механического тумблера на дедушкином радиоприёмнике.

На центральном дисплее, прямо поверх аккуратных строк открытого кода визуализатора, медленно, словно продираясь сквозь помехи, выползло диалоговое окно. В нём не было ни привычного интерфейса платформы «Sub-Neon», ни аватарки, ни идентификатора пользователя. Просто угловатый чёрный прямоугольник с тонкими рамками и ядовито-зелёный текст, набранный рубленым шрифтом фиксированной ширины. Такие использовали в древних монохромных терминалах конца прошлого века.

[Incoming_Connection: РАДИОЧАСТОТА_88.4]

Sender: Noise

Юмма медленно поставила чашку на стол и нахмурилась, вглядываясь в символы. Её домашний сервер и рабочий терминал были закрыты тремя слоями квантового шифрования корпоративного класса — она сама писала для них протоколы защиты, используя закрытые разработки «Cyber-Nexus». Пробиться сюда напрямую, минуя шлюзы провайдера, виртуальные туннели и файрволы, было технически невозможно. Даже лучшие сетевые взломщики из триад потратили бы на это недели, и система всё равно подняла бы тревогу задолго до взлома.

А здесь — ни одного срабатывания датчиков вторжения. Словно дверь даже не открывали, а просто прошли сквозь стену.

Экран мигнул, по чёрному фону пробежала рябь статических помех, и в окне начали появляться буквы. Они печатались не сразу, как при обычной отправке пакета данных, а одна за другой, с едва заметными паузами, будто кто-то по ту сторону действительно бил по тугим клавишам механической клавиатуры.

Noise: Твои неоновые фракталы слишком идеальны, Кон-Кон-Тян. Компьютерная графика страдает синдромом отличника. В ней нет ошибки. А там, где нет ошибки, нет и человеческой души. Только холодный расчёт.

Юмма фыркнула, откинувшись на спинку кресла, но в груди неприятно кольнуло. Её пальцы привычно взлетели над сенсорной клавиатурой, выбивая ответ. Очередной сетевой критик или заносчивый хакер-одиночка, возомнивший себя великим искусствоведом и решивший порисоваться знанием обходных путей.

Kon-Kon_Tyan: Ошибка — это признак плохого кода и кривых рук. Весь мир построен на математике. Если тебе не нравится идеальный визуал, можешь пойти потереть глаза наждачкой. Говорят, отлично помогает от эстетического перенапряжения.

Ответ пришёл почти сразу. Словно невидимый собеседник даже не тратил время на чтение, а считывал её мысли прямо с нейроинтерфейса.

Noise: Оптимизация — это медленная смерть для искусства. Живой музыкант попадает мимо ноты, когда у него дрожат пальцы от волнения или холода. Художник оставляет грубый мазок масла, потому что холст неровный, а рука устала. А твои алгоритмы вылизывают каждый пиксель до состояния пластикового манекена. Ты прячешься за этим неоновым сиянием, потому что до смерти боишься показаться настоящей. Живой. Неидеальной.

Слова незнакомца укололи её куда глубже, чем она готова была признать. Не потому, что они были грубыми — в комментариях под стримами бывало и похуже, от откровенной грязи до угроз. А потому, что этот неизвестный с первого же выстрела попал в самую болевую точку. Именно этого Юмма и добивалась каждый вечер: стать безупречной цифровой проекцией, голограммой из света и звука, у которой нет права на слабость и ошибку.

Она закусила нижнюю губу, чувствуя, как к щекам приливает тепло. Пальцы снова застучали по панели.

Kon-Kon_Tyan: Отличная попытка в дешёвый психоанализ, умник. Кто ты такой? И как ты обошёл квантовую защиту моего шлюза? Если это розыгрыш кого-то из службы безопасности «Нексуса», то юмор у вас так себе.

В динамиках монитора снова раздался тихий треск, похожий на потрескивание дров в камине или звук иголки, опустившейся на старую виниловую пластинку.

Noise: Защиту? Детка, расслабься, твои корпоративные секреты мне даром не сдались. Я пишу тебе через модифицированный ламповый КВ-трансивер 1988 года выпуска. Твоя хвалёная квантовая безопасность настроена на перехват цифровых пакетов и нейросигналов, она в упор не видит старый добрый аналоговый радиосигнал, замаскированный под обычный розовый шум в общей электросети твоего дома. Ты слишком увлеклась будущим, Кон-Кон, и напрочь забыла физику прошлого. Меня зовут Нойз. И у меня к тебе есть предложение. Вернее, пари.

Юмма медленно выпрямилась на стуле. Её глаза расширились, пробегая по строчкам. Использование электросети здания как антенны для модулированного радиосигнала в обход оптоволокна… Это было настолько дико, архаично и безумно гениально, что на секунду у неё перехватило дыхание. Сердце забилось быстрее, отстукивая сбившийся с ровного графика ритм.

Это было глупо. Против всех протоколов безопасности. Совершенно нелогично. Но до мурашек на затылке интригующе. В просчитанном на годы вперёд мире ЮммыМикко этот странный «Нойз» стал первой непредсказуемой аномалией.

Она посмотрела на таймер стрима — оставалось сорок восемь минут. Времени на глупости не было, но оторваться от чёрного окна она уже не могла.

Kon-Kon_Tyan: И в чём суть твоего пари, радиолюбитель?

Noise: Игра вслепую. Мы общаемся только здесь, в этом канале. Только сухой текст и чистый аналоговый аудиосигнал. Никаких нейросетей, никаких голограмм, никаких камер, реальных имён, адресов или геолокаций. Ты попробуешь доказать мне, что в твоей безупречной «цифре» всё-таки есть живая душа. А я, в свою очередь, попробую показать тебе, в чём прелесть нефильтрованного аналогового хаоса. Но есть одно железное правило.

Kon-Kon_Tyan: Какое?

Пауза затянулась на несколько секунд. По экрану пробежала тонкая полоска помех, словно собеседник настраивал частоту.

Noise: Если кто-то из нас узнает, кто другой в реальном мире, или если мы случайно пересечёмся на улицах этого аквариума и поймём, кто перед нами — игра мгновенно заканчивается. Полное выжигание канала связи. Навсегда. Без права на восстановление. Идёт?

В комнате повисла густая, звенящая тишина, нарушаемая лишь ровным гулом системного блока и далёким шумом ночного дождя за толстым стеклом. Юмма перевела взгляд на маску кицунэ, лежащую рядом с клавиатурой. Люминесцентная краска на её острых ушах слабо мерцала в ультрафиолетовом свете, а тёмный экран лисьей морды отражал её собственное лицо — напряжённое, с горящими глазами.

Разум дата-аналитика кричал, что нужно немедленно обрубить питание, перепрошить роутер и отправить отчёт в службу кибербезопасности. Неизвестный пробил её периметр, пусть и таким экзотическим способом. Это угроза. Риск. Ошибка в уравнении.

Но впервые за долгие годы Юмме отчаянно захотелось эту ошибку совершить.

Она выдохнула, позволяя себе лёгкую, почти хищную ухмылку, и её пальцы уверенно набрали ответ:

Kon-Kon_Tyan: Принимается, аналоговый мальчик. Попробуй меня удивить.

Спустя семь часов Юмма сидела в главном конференц-зале корпорации «Cyber-Nexus» на пятьдесят пятом этаже. За окнами из бронированного смарт-стекла раскинулся утренний Токио — серый, затянутый плотной пеленой смога, сквозь который с трудом пробивалось бледное, болезненное солнце. Ночная неоновая сказка растаяла без следа, оставив после себя лишь бесконечные ряды бетонных коробок, мокрые от утреннего тумана эстакады и суетливый рой служебных дронов.

От Кон-Кон-Тян не осталось даже тени. Розовые и мятные пряди были тщательно убраны под компрессионную сетку и спрятаны под строгим, безупречно уложенным париком глубо-

кого каштанового цвета, от которого едва уловимо пахло дорогой сухой химчисткой и антистатиком. Очки в тонкой роговой оправе с чистыми линзами сидели на переносице, придавая взгляду строгую отстранённость, а серый деловой жакет из плотной ткани с микроволокном был застёгнут на все пуговицы. На её лице застыла отработанная годами маска леденящей корпоративной вежливости.

Она спала всего два часа. Ночной стрим на «Sub-Neon» затянулся до рассвета, а после него она ещё долго не могла оторваться от чёрного окна монохромного терминала, проверяя частоту 88.4 в надежде на новое сообщение от Нойза. Но канал молчал. Теперь глаза нестерпимо резало, под нижними веками пульсировала тупая усталость, а в висках глухо стучало, но лошадиная доза синтетического кофеина и лёгкий нейростимулятор, принятый в лифте, держали спину прямой.

В просторном зале с длинным столом из чёрного полированного камня собралась вся верхушка отдела разработки и маркетинга. На повестке дня стоял запуск нового флагманского проекта — «Эхо-Net», масштабного виртуального пространства для пожилых людей, с высокой точностью имитирующего Токио конца прошлого века. Корпорация планировала продавать подписку на цифровую ностальгию, обещая клиентам безопасное возвращение в дни их молодости.

— Проблема текущего прототипа заключается в том, — ровным, монотонным голосом говорила Юмма, стоя у торца стола и указывая тонким лучом лазерной указки на огромный трёхмерный график, парящий в воздухе над столешницей, — что алгоритмы сглаживания текстур на дальних планах работают крайне неэффективно. При резком повороте камеры нейроинтерфейс фиксирует микроскопическое падение частоты кадров. Нам необходимо увеличить плотность пикселей на статичных исторических объектах на четырнадцать процентов, а также выровнять цветовую температуру освещения. Это позволит вызвать у целевой аудитории стабильный, прогнозируемый уровень ностальгического дофамина без риска сенсорной перегрузки. Мои расчёты за последний квартал показывают, что…

— Ваши расчёты — это полная чушь, Микко-сан.

Голос раздался из дальнего конца стола, со стороны панорамного окна. Он был низким, слегка хриплым, с ленивой, едва уловимой издёвкой, от которой в выхолощенной тишине зала словно повеяло сквозняком. Несколько младших менеджеров испуганно втянули головы в плечи, переглядываясь между собой. В «Cyber-Nexus» не принято было перебивать старших аналитиков, тем более в столь резкой форме.

Юмма внутренне подобралась, словно сжатая до предела стальная пружина, хотя внешне ни один мускул на её бледном лице не дрогнул. Она плавно опустила указку и медленно повернула голову в сторону источника звука.

Этого человека звали Марк Мёрзер. Он появился в токийском филиале компании всего неделю назад, прилетев по прямому контракту из Сиднея, и за семь дней уже успел перевернуть весь отдел разработки вверх дном, вызвав тихую панику среди привыкших к регламентам сотрудников. Марк занимал странную, специально созданную под него должность директора по аналоговой интеграции и ретро-безопасности. Руководство ввело эту позицию спешно, после прошлогоднего глобального сбоя облачных систем, когда выяснилось, что цифровые хранилища слишком уязвимы перед новыми видами сетевых вирусов, и корпорации срочно понадобились старые, физические методы дублирования данных.

Марк выглядел так, словно сознательно, с каким-то тихим удовольствием плевал на строгий корпоративный дресс-код «Cyber-Nexus». Никаких костюмов-троек, никаких начищенных до блеска туфель или аккуратных галстуков. На нём была помятая тёмно-синяя хлопковая рубашка с небрежно закатанными по локоть рукавами, открывающими жилистые предплечья, покрытые бледными шрамами от ожогов паяльником и порезов о края металлических корпусов. Тёмные, вечно растрёпанные волосы падали на лоб, на скулах темнела жёсткая трёх-

дневная щетина, а стальные серые глаза смотрели на происходящее с глубоким, откровенным скепсисом. На его шее, поверх расстёгнутого ворота рубашки, на потёртом кожаном шнурке болтался поцарапанный армейский жетон.

— Поясните вашу мысль, Мёрзер-сан, — ледяным, отточенным до звона тоном произнесла Юмма, чуть поправляя очки кончиком среднего пальца. — Если у вас есть альтернативная математическая модель, я с удовольствием изучу её после совещания.

Марк тяжело поднялся со своего кресла, засунул руки в карманы тёмных джинсов — что само по себе было неслыханной дерзостью в стенах пятьдесят пятого этажа — и неторопливой, вальяжной походкой подошёл к центру стола, прямо к парящему голографическому графику.

От него пахло не дорогим синтетическим парфюмом, как от остальных мужчин в зале, а крепким чёрным табаком, озоном и чем-то неуловимо металлическим, словно он только что вылез из-под старого трансформатора.

Одним небрежным, резким взмахом руки он вошёл в зону датчиков проектора и грубо сжал масштаб трёхмерной модели, отбрасывая диаграммы Юммы в сторону.

— Пожилым людям не нужна ваша «идеальная плотность пикселей», — сказал Марк, останавливаясь напротив неё и глядя прямо в глаза без тени смущения. — Вы пытаетесь скормить им рафинированный, вылизанный до блеска продукт, который существует только в головах у маркетологов. Токио девяностых и двухтысячных не был идеальным. Он был живым. И он был грязным. Там воняло дешёвым бензином и жареным маслом, асфальт на перекрёстках был весь в кривых трещинах, а неоновые вывески над барами постоянно коротило от сырости, из-за чего они моргали с противным, высоким треском.

Он сделал шаг ближе к голограмме, указывая пальцем на гладкую, безупречную модель улицы Сибуя, созданную дизайнерами отдела.

— Вы хотите залить всё это цифровым мылом и сгладить каждый угол, — продолжил Марк, и в его голосе зазвучала искренняя, почти раздражённая страсть. — Ваша хвалёная математика не учитывает самого главного — текстуры жизни. Вашему проекту катастрофически не хватает… шума. Ошибок. Искажений. Настоящей грязи. Без этого их мозг на подсознательном уровне почувствует подделку. Они просто не поверят в вашу пластиковую реальность, сколько бы дофамина вы им ни обещали.

У Юммы внутри всё похолодело. Воздух в кондиционируемом зале вдруг показался слишком разреженным.

Шума? Ошибок? Искажений?

Слова Марка странным, болезненным эхом отозвались в её уставшей голове, вызвав в памяти ночную переписку с загадочным «Нойзом» и его едкие фразы про синдром отличника и пластиковые манекены. Сердце пропустило удар, а пальцы, лежащие на планшете, слегка дрогнули.

Она пристально, оценивающе посмотрела на Марка, сканируя его взглядом аналитика: широкие плечи, обветренное лицо с резкими чертами, грубые мозоли на костяшках пальцев. Нет. Это невозможно. Просто глупое совпадение. Обычная профессиональная деформация старого инженера-железячника. Они все поголовно помешаны на ламповом звуке, несовершенстве и винтажном хламе, потому что не способны угнаться за современными алгоритмами. К тому же Марк — иностранец, прилетевший неделю назад, а Нойз явно знал структуру токийских электросетей как свои пять пальцев.

Юмма мысленно одёрнула себя, возвращая привычный ледяной контроль. Нельзя позволять ночному недосыпу плодить паранойю.

— Мёрзер-сан, — Юмма скрестила руки на груди, выпрямляясь так, что казалась выше, а её голос стал ещё холоднее. — Мы — коммерческая корпорация, а не клуб реконструкторов. Мы продаём клиентам комфорт, предсказуемость и медицинскую безопасность. Нашим пожилым пользователям не нужны мигрени и приступы тревожности от «коротящего неона»

и запаха выхлопных газов. Мои данные основаны на глубинных нейроопросахтридцати тысяч респондентов по всей стране. Статистика не врёт.

— Статистика — это отличный способ узаконить унылую посредственность, Микко-сан, — Марк снисходительно, чуть кривовато улыбнулся, и эта расслабленная улыбка взбесила Юмму сильнее, чем если бы он публично ударил её по лицу. — Вы привыкли смотреть на мир через призму аккуратных таблиц и графиков. Но живые люди — не строчки в вашей базе данных. Они нелинейны. И именно в этих нелинейных сбоях кроется всё, что заставляет нас чувствовать себя живыми.

— Довольно, — резко, но без повышения голоса прервал их генеральный директор, седой мужчина в безупречном тёмно-синем костюме, сидевший во главе стола и до этого момента молча наблюдавший за перепалкой. — У нас нет времени на философские дебаты, господа. Мёрзер-сан, раз вы так уверены в своей концепции, подготовьте альтернативное техническое видение проекта «Эхо-Net» к утру пятницы. Микко-сан, предоставьте ему полный доступ к закрытым массивам исторических данных и результатам фокус-групп. Разберётесь в рабочих чатах. Все свободны.

Совещание закончилось так же внезапно, как и началось. Голограмма над столом погасла с тихим щелчком, и сотрудники, стараясь не смотреть в сторону спорящих, потянулись к стеклянным дверям зала.

Юмма осталась на месте, медленно и методично собирая свои рабочие планшеты и стилус в кожаную папку. Ей нужно было несколько секунд, чтобы унять непривычную ярость, пульсирующую под рёбрами. Никто в «Cyber-Nexus» не смел разговаривать с ней так, словно она глупая стажёрка.

Марк задержался у самого выхода. Когда последний из менеджеров скрылся в коридоре, он обернулся, прислонившись плечом к дверному косяку. На мгновение их взгляды встретились через всю длину пустого зала.

В его серых глазах не было ни злости, ни желания извиниться — только холодный, азартный интерес и что-то очень похожее на прямой вызов. Он едва заметно, насмешливо кивнул ей, словно признавая в ней достойного, хоть и невыносимого противника, развернулся и вышел из зала, оставив за собой лёгкий шлейф табачного дыма.

Юмма смотрела на закрывшуюся дверь, сжав пальцы так сильно, что дорогой сенсорный стилус в её руке жалобно хрустнул, едва не треснув пополам. Высокомерный, неотесанный, самовлюблённый дикарь. Настоящая заноза. Днём ей придётся стиснуть зубы, терпеть его в офисе и делиться с ним своей базой данных.

К счастью, ночью её ждал совсем другой мир. Тот, в котором не существовало ни корпоративных отчётов, ни серых пиджаков, ни этого несносного Марка Мёрзера.

Вечер принёс с собой тяжёлый, затяжной ливень, обрушившийся на Токио без всякого предупреждения. Тёмные тучи плотно затянули небо, проглотив шпили корпоративных башен. Вода стекала по панорамным стёклам небоскрёбов сплошной, бурлящей стеной, разбивая яркие голографические рекламы на тысячи дрожащих цветных осколков. Огни нижних уровней расплывались в мокрой мгле, превращая город за окном в живую, текучую картину, написанную неоновыми красками.

В одиннадцать вечера Юмма уже сидела в своей домашней студии. Напряжение тяжёлого рабочего дня и неприятный осадок после утренней стычки с Мёрзеромпостепенно отступали, растворяясь в полумраке капсулы. На ней снова была матовая маска кицунэ, плотно охватывающая лицо, а на трёх изогнутых экранах перед ней гипнотическим потоком бежали разноцветные звуковые волны и столбцы живого кода.

Её ночной стрим на «Sub-Neon» шёл уже сорок минут. На виртуальном танцполе сегодня было жарко — счётчик подключённых пользователей стремительно рос, давно перевалив за

пятнадцать тысяч. Аватары слушателей в клубном зале сливались в единую пульсирующую толпу, подсвеченную лазерами, которые Юмма генерировала прямо на ходу.

Юмма работала в трансовом экстазе, забыв об усталости и недосыпе. Её тонкие пальцы точно летали по сенсорным панелям контроллеров, плавно сводя тягучий синтвейв с жёсткими металлическими ударными. На гибком экране маски лисицы пульсировал неоновый эквалайзер, меняя цвет и форму в такт каждой басовой линии. Бессонный Токио и тысячи анонимов со всего мира сейчас дышали и танцевали под её дудку, подчиняясь выверенной математической гармонии.

Внезапно в левом студийном наушнике раздался сухой статический треск. Юмма едва не сбилась с ритма, инстинктивно вскинув руку к пульту.

Музыка трансляции не прервалась, но прямо поверх её отполированного до блеска цифрового баса наложилсячужеродный ритм. Это был сырой, почти грязный звук барабанной дроби, записанной, судя по характерному шипению на высоких частотах, на старую магнитную ленту. Звук был объёмным и глубоким, с лёгкой хрипотцой и необъяснимой теплотой, которую невозможно сымитировать ни одним нейросинтезатором.

В правом углу центрального экрана, перекрывая окно системного мониторинга, снова беззвучно открылось знакомое угловатое чёрное окно терминала. Ядовито-зелёные буквы начали выстраиваться в строчки.

Noise: Слышишь этот сэмпл, Кон-Кон? Это настоящие ударные из студийного трека прошлого века. Живое дерево, натянутая кожа, медные тарелки и настоящий парень, который насквозь вспотел, пока стучал по ним в душной комнате без кондиционера. Послушай, как этот звук «дышит». Твоя электронная бочка бьёт ровно в сетку, как бездушный атомный хронометр. А этот парень на доли секунды опаздывает на третьей доле. И именно эта крошечная ошибка делает ритм живым.

Юмма, стараясь не прерывать стрим и не терять контроль над микшером, одной рукой открыла приватный канал связи с наглым нарушителем. Под маской её брови сердито сдвинулись, а дыхание сбилось от возмущения.

Kon-Kon_Tyan: Ты совсем с ума сошёл?! Ты едва не сорвал мне переход на следующий трек! Понимаешь, что грубо влезаешь в прямой эфир и ломаешь структуру сета?

Noise: Я ничего не ломаю, лисичка. Просто добавляю острых специй в твоё пресное, диетическое цифровое блюдо. Не злись, а лучше посмотри в общий чат стрима.

Юмма бросила быстрый взгляд на бегущую строку комментариев на соседнем мониторе. Ровный поток смайловвнезапно взорвался. Строчки летели вверх с бешеной скоростью.

«Ого, что за жирный, ламповый бит пошёл?!»

«Кон-Кон, это секретный коллаб? Качает нереально, мурашки по коже!»

«Этот грязный аналоговый звук просто разрывает, дайте ссылку на трек!!»

«Лучший сет за весь месяц, не останавливай!»

Слушатели были в неподдельном восторге. Тот самый непредсказуемый хаос, который без спроса принёс с собой Нойз, словно разряд тока, вдохнул в её выверенный сет дикую, первобытную энергию.

Юмма прикусила нижнюю губу под тёмным пластиком маски. Признавать поражение — особенно перед этим самоуверенным призраком из радиоэфира — было до боли неприятно. Гордость аналитика сопротивлялась, но цифры на счётчике аудитории не врали: за две минуты онлайн вырос ещё на три тысячи человек.

Kon-Kon_Tyan: Ладно. Допустим, твоя старая магнитная плёнка имеет право на жизнь в качестве экзотической приправы. Но всё это — лишь дешёвая ностальгия. Ты просто боишься нового мира и отчаянно цепляешься за пыльное прошлое.

В наушниках снова тихо щёлкнуло реле, и на экране появилась новая строчка.

Noise: Я не боюсь будущего, Кон-Кон. Я в нём живу каждый день. Просто не хочу, чтобы оно стало окончательно пластиковым и безвкусным. Расскажи мне лучше о себе. Какая ты, когда выключаешь камеру и снимаешь свои светящиеся ушки? Кто прячется за этой лисьей маской? Ты ведь днём тоже работаешь в какой-нибудь скучной башне из стекла и бетона, верно?

Юмма резко вздрогнула, едва не задев локтем кружку на краю стола. Пугающая близость незнакомца к истине заставила сердце тревожно сжаться. Неужели он всё-таки вычислил её узел связи? Нет, тогда бы не спрашивал, а просто назвал адрес. Он угадал. Почувствовал.

Kon-Kon_Tyan: Мы договорились о правилах на берегу, забыл? Никакой реальности, никаких вопросов о жизни по ту сторону экрана. Я — ровно то, что ты видишь и слышишь сейчас. Чистый свет, звук и пиксели.

Noise: Ну уж нет, меня не проведёшь. Бездушные пиксели не выбирают такие грустные, минорные аккорды для кульминации своих треков. В твоей музыке слишком много тихого одиночества, Кон-Кон-Тян. Такое прозрачное, звенящее одиночество рождается только в больших и людных городах, где миллионы людей трутся плечами в метро, но никто никого не видит. Ладно, не буду давить на больное. Мне пора чистить контакты на старой аппаратуре, иначе она совсем заглохнет. Лови небольшой подарок на ночь.

В окно переписки беззвучно упал крошечный аудиофайл. Без расширения, без метаданных — просто прямой, необработанный поток оцифрованного звука.

Юмма доиграла последние минуты сета на автопилоте, попрощалась со слушателями привычным жестом маски и оборвала трансляцию. Когда индикаторы эфира погасли, она скачала файл, для порядка прогнала его через многоуровневый корпоративный антивирусный сканер и, помешкав пару секунд, запустила воспроизведение в наушники.

В комнате снова воцарилась густая, давящая тишина, нарушаемая лишь равномерным шумом дождя, бьющего в панорамное стекло. Но в наушниках, отодвигая серость бетонных стен, зазвучала музыка.

Это была красивая и светлая в своей меланхолии мелодия, сыгранная вживую на шестиструнной акустической гитаре. Звук был несовершенным, далёким от студийных стандартов: в нём отчётливо слышалось, как подушечки пальцев музыканта с лёгким свистом скользят по тугим металлическим струнам при смене аккордов, как тихо скрипит деревянный стул, и как где-то на заднем плане, в комнате того, кто это записывал, крупные капли дождя глухо стучат по жестяному подоконнику.

Это звучало настолько близко и интимно, словно кто-то невидимый сидел прямо сейчас в метре от неё в тёмной комнате и играл эту мелодию лично для неё одной, не требуя ничего взамен.

Юмма закрыла глаза. Тяжёлая маска кицунэ выскользнула из ослабевших пальцев и с глухим стуком сползла на край стола.

Настоящая Юмма — с покрасневшими от усталости глазами, бледной кожей и растрёпанными розовыми волосами, выбившимися из небрежных узлов — медленно сползла с кресла и села прямо на прохладный пол своей высокотехнологичной капсулы, обхватив колени руками. По её щеке, оставляя тёплый след, покатилась одинокая, непрошеная слеза.

Умная светодиодная лента под потолком, чутко считывающая биометрические показатели хозяйки с домашнего браслета и повинуясь её вдруг участившемуся, сбивчивому пульсу, плавно сменила холодный циан и окрасила комнату в мягкий, тёплый розовый цвет.

Юмма прижала ладонь к груди, прямо поверх чёрного худи. Старое, давно заменённое на бионический протез синтетическое сердце внутри её грудной клетки впервые за долгие годы выхолощенной жизни по-настоящему, остро и сладко заболело.

Пятница наступила слишком быстро. Офис мегакорпорации «Cyber-Nexus» на пятьдесят пятом этаже с самого утра гудел, как потревоженный электрический улей. В воздухе

опенспейса витало непривычное для этих мест напряжение: сегодня должна была состояться официальная защита альтернативного проекта Марка Мёрзера, и весь отдел предиктивной аналитики втайне предвкушал грандиозную схватку между непоколебимой «ледяной леди» Микко и наглым «австралийским бунтарём».

Юмма сидела за своим стеклянным рабочим столом, лихорадочно перепроверяя многоуровневые графики и отчёты на трёх голографических экранах. Она катастрофически не высыпалась всю эту безумную неделю. Каждую ночь, ровно после полуночи, стоило ей снять парик и включить старый терминал, на частоте 88.4 оживал Нойз. Они часами общались в чёрном монохромном окне, строго соблюдая установленные границы. Они ни разу не заговорили о работе, корпорациях или реальных именах. Вместо этого они яростно и вдохновенно спорили о философии звука, о психологии восприятия неонового излучения, о том, почему старые аналоговые вещи со всеми их трещинами и шумами кажутся человеку более живыми, чем вылизанные нейропроекции.

Этот анонимный, хрипловатый в редких аудиовставкахголос стал для Юммы настоящим цифровым наркотиком. Впервые в жизни ей не нужно было притворяться безупречной машиной. Нойз понимал её с полуслова, ловил каждую недосказанную мысль и удивительным образом умел сбить её ледяную броню одной точной фразой.

И одновременно с этим каждый день её жизнь превращала в ад его полная, как ей казалось, противоположность — Марк Мёрзер. Этот невыносимый тип постоянно требовал у неё всё новые массивы данных, придирался к каждой запятой в её отчётах, забрасывал её едкими комментариями в корпоративном мессенджере и при каждой встрече у кофемашины смотрел на неё со своей неизменной, до бешенства раздражающей снисходительной полуулыбкой. Юмма ловила себя на том, что днём мечтает сжечь его в плазменной печи, а ночью ждёт сообщения от Нойза как глотка воздуха.

— Микко-сан, до начала презентации три минуты. Вас ждут в главном конференц-зале, — пискнул встроенный в столешницу внутренний коммуникатор.

Юмма глубоко, судорожно вздохнула, прикрыв на секунду уставшие глаза за линзами очков. Затем привычным движением расправила плечи, нацепила на лицо свою фирменную маску непроницаемого корпоративного безразличия и поднялась из-за стола.

В большом зале заседаний сегодня было непривычно темно — автоматические жалюзи на панорамных окнах были опущены до самого пола, отсекая серый свет дождливого утра. Марк уже стоял у центрального пульта управления. Вместо привычного для «Cyber-Nexus» дорогого квантово-голографического проектора, способного строить объёмные модели в воздухе, он умудрился притащить в зал заседаний… громоздкий шестнадцатимиллиметровый плёночный проектор на металлической треноге. Аппарат теперь тихо, ритмично и удивительно уютно стрекотал в углу, бросая сквозь полумрак слегка дрожащий, тёплый луч света на белую стену.

— Прошу внимания, господа и прекрасные дамы, — Марк вальяжно облокотился на край трибуны, скрестив на груди мускулистые руки. Сегодня он превзошёл сам себя в пренебрежении дресс-кодом: на нём была выцветшая чёрная футболка и расстёгнутая фланелевая рубашка в крупную клетку поверх неё. — Я представляю вам обновлённый концепт платформы «Эхо-Net: Живая Память».

Щёлкнул тумблер, и на широкой стене за его спиной появились кадры старого, ушедшего в историю Токио. Но это были совсем не те глянцевые, отретушированные нейросетьюпанорамы, которые готовила команда Юммы. Это была настоящая, сырая документальная хроника конца прошлого века: спешащие куда-то люди в старомодных шерстяных пальто под дешёвыми прозрачными зонтами, мокрый, неровный асфальт узких переулков Синдзюку, вывески крошечных раменных и джаз-баров, где свет был не ядовито-неоновым, а тёплым, ламповым, слегка желтоватым и живым. Плёнка чуть дёргалась на склейках, по кадру изредка пробегали крошечные царапины и пылинки, но от этой картинки невозможно было оторвать взгляд.

А затем из скрытых под потолком студийных динамиков зала полился не цифровой эмбиент, написанный алгоритмами, а…

Юмма замерла на месте, словно в неё выстрелили из парализатора. Её синтетическое сердце в груди пропустило удар, а затем гулко, тяжело заколотилось о рёбра.

Из динамиков, заполняя всё пространство тёмного зала, лилась та самая мелодия. Одинокая акустическая гитара. Меланхоличная, бесконечно тёплая, с лёгким, уютным шуршанием старой магнитной ленты, свистом пальцев по металлическим струнам и тихим стуком дождевых капель по жестяному подоконнику на заднем плане. Та самая музыка, которую загадочный Нойз прислал ей три ночи назад в приватный чат после того, как довёл её до слёз.

В огромном конференц-зале повисла звенящая тишина. Топ-менеджеры и руководители отделов, десятилетиями привыкшие к агрессивному цифровому маркетингу и холодным расчётам, сидели за столом, затаив дыхание. Эта несовершенная музыка и эти дрожащие, живые кадры обладали гипнотической, непреодолимой силой. Они вызывали не запланированную графиками ностальгию — они вызывали острое, щемящее до боли чувство подлинности и утраченного дома.

Юмма смотрела на мерцающий экран, и весь её привычный, выверенный до миллиметра мир вокруг начал медленно, с оглушительным треском рушиться. Разрозненный пазл в её голове со свистом складывался, деталь к детали, не оставляя ни единого шанса на ошибку.

Аналоговый инженер с ожогами от паяльника на руках. Вечные разговоры о шуме, ошибках и несовершенстве. И эта гитара. Его собственная запись.

Она медленно, словно сквозь толщу ледяной воды, перевела взгляд на Марка. Он стоял в полумраке у трибуны, резкий профиль его лица освещался дрожащим лучом старого проектора, в котором кружились пылинки. На его губах играла та самая лёгкая, спокойная, чуть кривоватая полуулыбка. Он даже не смотрел на начальство — он был уверен в своей победе.

«Это он», — пронеслось в её голове оглушающей, панической мыслью, от которой зазвенело в ушах. — «Нойз— это Марк. Марк Мёрзер — это Нойз».

Ужас и обжигающее осознание накрыли её с головой. Человек, которого она искренне ненавидела днём за самоуверенность, наглость и разрушение её цифрового порядка, оказался тем самым единственным человеком во всём Токио, перед которым она ночью без страха открывала свою душу. Тем самым, чей голос в зелёных строчках терминала заставлял её механическое сердце плакать мягким розовым светом.

Марк, словно физически почувствовав её пристальный, полный леденящего ужаса взгляд, повернул голову в её сторону.

Их глаза встретились в темноте конференц-зала. На мгновение его уверенная, спокойная улыбка погасла. Он увидел, что непробиваемая «ледяная леди» Микко смотрит на него так, словно прямо перед ней из тени материализовался призрак. Её дыхание стало частым и поверхностным, грудь высоко вздымалась под застёгнутым серым жакетом, а побелевшие от напряжения пальцы судорожно, до боли сжимали край полированного стола.

В этот самый момент в его серых глазах промелькнуло острое выражение внезапной догадки. Марк чуть прищурился. Его взгляд скользнул вниз — на её тонкие, нервно сжатые руки, на её напряжённую позу, затем снова поднялся в её расширенные глаза, скрытые за антибликовыми стёклами очков… И Юмма с холодеющим сердцем поняла: он тоже начинает догадываться. Прямо сейчас этот чёртов гений-железячник сопоставляет её реакцию на музыку, её ночные споры о математическом совершенстве и её дневную одержимость цифрами. Он собирает свои собственные паттерны.

«Если кто-то из нас узнает, кто другой в реальном мире, или если мы случайно пересечёмся и поймём это — игра мгновенно заканчивается. Полное выжигание каналов связи. Навсегда».

Слова его собственного железного правила мёртвой, ледяной хваткой сжали её горло, перекрывая кислород. Если он поймёт окончательно, он исчезнет. Радиочастота 88.4 замолчит навсегда, и она снова останется в своём выхолощенном аквариуме в полном одиночестве.

Юмма рывком встала со своего места, с оглушительным грохотом отодвинув тяжёлое кресло. В тишине зала этот звук прозвучал как выстрел. Все присутствующие разом обернулись на неё.

— Микко-сан? Что случилось? — удивлённо и слегка раздражённо спросил генеральный директор, прерывая созерцание хроники.

— Прошу прощения, — выдавила она из себя с огромным трудом, чувствуя, как её выверенный, ровный голос предательски срывается на высокой, дрожащей ноте. — Мне… мне срочно нужно выйти. Сбой в работе внутреннего аналитического модуля.

Не дожидаясь ответа и не смея больше взглянуть в сторону трибуны, Юмма резко развернулась и почти выбежала из конференц-зала, с силой толкнув стеклянную дверь. Даже сквозь плотную ткань серого жакета она кожей чувствовала, как её спину прожигает тяжёлый, изучающий взгляд серых глаз Марка Мёрзера.

Плёночный проектор за её спиной продолжал тихо, убаюкивающе стрекотать, унося кадры старого живого Токио в небытие, а привычный неоновый свет за панорамными окнами коридора внезапно показался ей невыносимо, смертельно холодным.

Глава 2. Протокол психологического блефа

Выбежать из главного конференц-зала на глазах у всего совета директоров и приглашённых акционеров было сокрушительным провалом. В выверенном корпоративном мире, где Юмма Микко долгие годы по кирпичику выстраивала репутацию непробиваемой ледяной статуи и безупречного аналитического механизма, такая внезапная эмоциональная вспышка приравнивалась к критическому системному сбою. В «Cyber-Nexus» слабость не прощали — её тут же заносили в личное дело, снижали индекс лояльности и передавали перспективные проекты более хладнокровным конкурентам.

Юмма влетела в санитарную комнату для старшего персонала на пятьдесят пятом этаже, вслепую ударила по сенсорной панели замка и заперлась в тесной, отделанной матовым белым пластиком кабинке. Она тяжело прижалась спиной к прохладной поверхности двери, пытаясь унять гулкий, неровный стук синтетического сердца. Грудь высоко вздымалась под туго застёгнутым серым жакетом так, словно она только что в одиночку пробежала вертикальный марафон по лестницам небоскрёба.

Дрожащими пальцами Юмма сорвала с головы душный каштановый парик, отбросив его на закрытую крышку унитаза. На узкие плечи тут же рассыпались её яркие розовые пряди с резкими мятными кончиками, похожие в светодиодном свете кабинки на спутанные неоновые провода. Очки в тонкой роговой оправе следом отправились на край гладкой раковины. Юмма с силой вдавила сенсор смесителя, включив ледяную воду на максимум, и несколько раз подряд плеснула себе в лицо, смывая остатки дорогой матирующей пудры.

Выпрямившись, она упёрлась руками в край умывальника и подняла взгляд. Из зеркала с антизапотевающим покрытием на неё смотрела смертельно бледная девушка с мокрыми прядями у висков и огромными, расширенными от животной паники зрачками.

«Этого просто не может быть. Это статистически невозможно», — лихорадочно, как метроном, стучало у неё в висках.

Токио образца 2042 года — гигантский тридцатимиллионный муравейник, уходящий стальными шпилями в небо на сотни уровней и проваливающийся глубоко под землю в лабиринты старых веток метро. Подпольная платформа «Sub-Neon» — зашифрованная теневая сеть с десятками тысяч анонимных пользователей со всех континентов. Каковы были матема-

тические шансы, что из всех миллионов людей на планете её загадочным ночным собеседником, тем самым неуловимым хакером-радиолюбителем Нойзом, окажется именно этот наглый, высокомерный австралийский инженер? Человек, который всю последнюю неделю превращал её рабочие дни в полигон для изнурительных ментальных войн и придирался к каждой цифре в её отчётах?

Вероятность стремилась к нулю. Любой алгоритм отбросил бы такое совпадение как статистический шум.

Но старая акустическая гитара не умела лгать. Тот же самый живой, неровный перебор струн, то же едва заметное аналоговое шипение магнитной плёнки, тот же характерный скрип стула и тихий стук дождевых капель по жестяному подоконнику на заднем плане. Ошибки быть не могло. Марк Мёрзер и был Нойзом.

Юмма медленно закрыла глаза, чувствуя, как по позвоночнику пробегает неприятный, липкий холод, от которого сводит лопатки. В памяти, словно запущенный на ускоренной перемотке видеофайл, пронеслось всё, о чём она писала ему последние пять ночей. В тёмном окне монохромного терминала, защищённая маской кицунэ и правилом полной анонимности, она позволяла себе быть собой. Она рассказывала ему — пускай и завуалированно, прячась за метафорами о коде и пикселях — о своей тотальной, выматывающей усталости. О том, как невыносимо тяжело каждый день соответствовать корпоративным алгоритмам. О том, что иногда ей хочется просто выключить весь этот ядовитый неоновый свет за окном и навсегда раствориться в густой темноте, потому что в реальном мире люди слишком хрупкие, а любая близость оборачивается болью.

Она впервые за много лет приоткрыла душу живому человеку. И по злой, чудовищной иронии судьбы этим человеком оказался тот, кого она днём искренне презирала за его помятые рубашки, скептическую ухмылку и каждую строчку в его дурацких ретро-отчётах.

И самое страшное — железное правило игры, которое он сам установил в первую же ночь их знакомства. Слова всплыли перед закрытыми глазами чётким ядовито-зелёным шрифтом: «Если кто-то из нас узнает, кто другой в реальном мире, или если мы случайно пересечёмся и поймём это — игра мгновенно заканчивается. Полное удаление каналов связи. Навсегда».

Если она сейчас признается, растеряется или хоть одним неосторожным жестом покажет, что раскрыла его тайну, Нойзисчезнет. Чёрное окно старого терминала погаснет, и частота 88.4 навсегда замолчит. Ей снова придётся каждый вечер возвращаться в свою пустую, безжизненную квартиру-капсулу на сорок втором этаже, где единственным собеседником будет бездушный голосовой помощник «умного дома». От одной только мысли, что она потеряет эти ночные споры до рассвета, этот грязный, обжигающе живой звук старых барабанов и это странное, щемящее чувство, что кто-то в этом огромном городе наконец-то её слышит, Юммеостало физически страшно. В груди снова остро, предупреждающе кольнуло.

— Нужно блефовать, — тихо, но твёрдо прошептала она своему мокрому отражению в зеркале, сжимая керамические края раковины так сильно, что побелели костяшки тонких пальцев. — Включаем протокол защиты. Он видел мою паническую реакцию в зале. Он стопроцентно зацепился за неё своим инженерным чутьём. Но прямых доказательств у него нет, только догадки. Значит, я сыграю в эту игру по его правилам. Я выстрою безупречное алиби и заставлю его поверить, что Кон-Кон-Тян и скучная Юмма Микко — два разных, никак не связанных человека.

Она глубоко, ровно вдохнула, выравнивая пульс, достала бумажную салфетку и аккуратно промокнула лицо. Затем Юмма тщательно, прядь за прядью, уложила розовые волосы назад в тугой узел, снова натянула душный каштановый парик, надёжно закрепив его металлическими невидимками у висков. Очки в роговой оправе вернулись на переносицу, взгляд за антибликовыми линзами снова стал пустым и холодным, а пальцы привычным движением расправили малейшие складки на строгом сером жакете.

Ледяная леди Микко вернулась в строй. Ни единой трещины на фасаде.

Остаток бесконечного рабочего дня прошёл как в густом, вязком тумане. Юмма сидела за своим стеклянным столом в центре опенспейса, вглядываясь в бегущие строчки аналитического кода, но цифры и графики расплывались перед глазами. Коллеги по отделу шептались за спинами, косясь в её сторону и обсуждая триумфальную презентацию Мёрзера, но никто не решался подойти и задать вопрос.

Сам Марк после окончания совещания в зале больше не появлялся — видимо, ушёл в свою лабораторию в техническом крыле этажа. И только за пять минут до конца смены, когда за панорамными окнами небоскрёба уже начинали разгораться первые вечерние огни рекламы, в правом углу рабочего монитора Юммы коротко мигнул конверт входящего сообщения.

Она затаила дыхание, кликая по уведомлению. Это было сухое, официальное корпоративное письмо от Марка Мёрзера:

«Микко-сан, благодарю за оперативно предоставленные массивы исторических данных и выгрузки по фокус-группам. Отличная, точная работа. Хороших выходных, увидимся в понедельник на планёрке».

Никаких скрытых намёков. Никаких едких подколов в скобках. Ни одного лишнего слова. Безупречная, вежливая пустота.

Юмма смотрела на эти две строчки, чувствуя, как по спине снова пробегает холодок. Это была не капитуляция и не забывчивость. Это была глухая, звенящая тишина перед бурей. Марк не поверил в её «сбой аналитического модуля». Он просто ушёл проверять свою гипотезу. И сегодняшней ночью на частоте 88.4 её ждал самый сложный экзамен в жизни.

Ночь накрыла Токио тяжёлым, влажным одеялом, пропитанным запахом озона и мокрого бетона. Проливной дождь наконец прекратился, но небо так и не очистилось — низкие свинцовые тучи плотно висели над шпилями небоскрёбов, отражая снизу безумное зарево мегаполиса. На многоуровневых эстакадах и мокрых крышах нижних кварталов остались огромные зеркальные лужи, в которых, словно в разбитых калейдоскопах, дрожали, вытягивались и рассыпались бесконечные огни неоновых башен и голографических билбордов.

В половине двенадцатого Юмма уже сидела на прохладном синтетическом полу своей домашней студии, поджав под себя босые ноги и прислонившись спиной к основанию рабочего кресла. На ней снова было привычное безразмерное чёрное худи, а розовые волосы с мятными прядями свободно падали на плечи, избавленные от душного корпоративного парика. Матовая маска кицунэ лежала рядом на краю стола, выключенная — её гибкий OLED-экран был мёртво-чёрным, словно закрытые глаза спящего зверя.

Регулярный ночной стрим на «Sub-Neon» сегодня был отменён. За час до эфира Юмма вывесила в закрытом чате сухое системное уведомление, официально сославшись на плановую перезагрузку маршрутизаторов и калибровку звуковых серверов. Подписчики поворчали, засыпали ленту грустными смайлами и разошлись по другим каналам. Никто из десятков тысяч анонимов даже не догадывался, что у неуязвимой королевы цифрового андеграунда просто не осталось сил притворяться весёлым, дерзким неоновым айдолом. Сегодняшней ночью ей предстояла не музыкальная сессия, а смертельно опасная дуэль на выживание.

Она глубоко выдохнула, поднялась с пола, опустилась в кресло и включила старый монохромный терминал. Светодиодная лента под потолком капсулы, синхронизированная с её биометрическим браслетом, сразу отреагировала на выброс адреналина в кровь — мягкий фоновый свет погас, уступив место тревожному, глубокому кобальтово-синему оттенку. Умный дом безмолвно фиксировал её учащённый пульс и поверхностное дыхание.

В правом углу центрального монитора уже светилось знакомое угловатое чёрное окно радиочастотного протокола. На частоте 88.4 ровно, гипнотически мигал ядовито-зелёный курсор. Нойз был в сети. Он не ушёл, не оборвал связь после утреннего инцидента в офисе. Он сидел там, по ту сторону электросети, и терпеливо ждал её хода.

Юмма почувствовала, как леденеют кончики пальцев. Она сделала глубокий, медленный вдох, словно стояла на самом краю стеклянного карниза на сотом этаже перед прыжком в пустоту, и решила первой нанести превентивный удар. В лучшей тактике психологической защиты стремительное нападение всегда стоит на первом месте. Нельзя позволить ему задавать вопросы. Нужно самой навязать правила игры.

Её пальцы коснулись сенсорной клавиатуры, и в чёрном окне побежали первые строчки.

Kon-Kon_Tyan: Привет, аналоговый мальчик. Твой вчерашний гитарный трек… я переслушала его сегодня утром на свежую голову. Знаешь, в ярком дневном свете он звучит уже совсем не так романтично, как ночью под дождь. Слишком много лишнего, грязного шума и откровенной лажи в переборах. Похоже, в темноте у меня просто временно отказал эстетический фильтр.

Она нажала отправку и затаила дыхание. Ответ пришёл ровно через три секунды — настолько быстро, словно он держал пальцы на клавишах с самого вечера. Юмма словно видела перед глазами, как Марк Мёрзер сидит где-то в своей заваленной старыми платами и проводами каморке, окружённый тёплым свечением вакуумных радиоламп, откинувшись на спинку стула и медленно, хищно ухмыляясь, глядя на зелёные буквы экрана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.